

Сергей Юрьевич Неклюдов

доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Центра типологии и семиотики фольклора, Российский государственный гуманитарный университет (125047, Москва, ул. Чайнова, д. 15, корп. 7);
главный научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (119571, Москва, пр. Вернадского, 84)
E-mail: sergey.nekludov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4165-4604>

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ДЕМОНОНИМИИ: «ДИКИЕ ЛЮДИ» ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация

В ряде традиций низшей мифологии, помимо духов-хозяев ландшафта, флоры, фауны, стихий, болезней, сфер деятельности и т. д., существуют представления о некоем особом антропоморфном существе — «диком человеке». Он скрытно обитает где-то на неосвоенных территориях, иногда вступая в соприкосновение с окрестными жителями. Местными традициями он рассматривается как создание из плоти и крови, отличающееся от «духов» всех разновидностей, но в полной мере не относящееся ни к животным, ни к людям. Представления о нем отражены в текстах фольклорной прозы, в древних и средневековых письменных памятниках, в изобразительных сюжетах, обрядовых практиках и перформансах. В разных регионах «дикий человек» может называться по-своему, однако за этим многообразием стоит ограниченное количество продуктивных моделей, согласно которым персонаж в каждом случае определяется по какому-либо одному доминантному признаку. Изучение подобных моделей способствует определению семантического поля, в котором складывается данный образ, выявлению его этно- и культурно-специфических типов, реконструкции их исторических связей, в конечном счете — пониманию генезиса и развития самого представления о «дикости». У таких названий есть определенный потенциал ономастизации — с одной стороны, образования на их основе топонимов (обычно оронимов), относящихся именно к данному, единичному природному объекту, а с другой — их «индивидуализации», когда в ряде фольклорных и литературных нарративов дикий человек как представитель того или иного типа (один из множества) становится вполне конкретным персонажем, существующим вне общности с другими ему подобными, или обретает статус мифологического «хозяина» остальных диких существ, которые обитают на данной территории, вследствие чего его «родовое» обозначение становится своего рода собственным именем.

Ключевые слова: мифология; демононимия; ономастизация; модели номинации; дикий человек; лесные люди; горные люди

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-01119, <https://rscf.ru/project/24-18-01119/>. Автор выражает сердечную признательность за помощь и консультации Н. Н. Казанскому, В. В. Напольских, М. Ю. Реутину, Д. С. Николаеву, Н. В. Возяковой, Р. Сальваторе, Э. Морони, Н. М. Заике и Д. Ю. Ващенко.

Для цитирования

Неклюдов С. Ю. Опыт сравнительной демононимии: «дикие люди» Центральной и Западной Европы // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 3. С. 70–92. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.032

Рукопись поступила в редакцию 25.07.2024

Рукопись принята к печати 30.09.2024

Sergei Yuryevich NEKLYUDOV

DrHab, Professor, Head of the Center for Typological and Semiotic Folklore Studies, Russian State University for the Humanities (15-7, Chayanova Str., 125047 Moscow, Russia); Chief Researcher, Laboratory of Theoretical Folklore Studies, Presidential Academy of National Economy (84, Vernadskogo Ave., 119571 Moscow, Russia)
E-mail: sergey.nekludov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4165-4604>

**ESSAY ON COMPARATIVE DEMONONYMY:
THE “WILD PEOPLE” OF CENTRAL AND WESTERN EUROPE****Abstract**

In certain traditions of lower mythology, alongside depictions of guardian spirits, protectors of the natural landscape (including flora, fauna, elemental forces, diseases, and spheres of activity) there is mention of an anthropomorphic figure commonly referred to as the “wild man.” This being is believed to inhabit areas untouched by human development, occasionally encountering nearby populations. According to local traditions, the “wild man” is described as a creature of flesh and blood, distinct from all categories of “spirits” but not entirely akin to either animals or humans. His image is found in various cultural expressions, including folklore, ancient and medieval texts, visual art, ritual practices, and performances. Although the “wild man” is known by different names across regions, these variations reflect a limited number of conceptual models, each highlighting a single dominant characteristic. Examining these models allows researchers to define the semantic field in which this image was formed, identify specific ethnic and cultural types, reconstruct historical connections, and ultimately trace the origins and development of the concept of “wildness.” These names also possess notable onomastic potential: they may give rise to toponyms (often oronyms) associated with particular natural landmarks or lead to the “personalization” of the “wild man.” In this context, the figure may represent an outsider living beyond their community or take on the role of a mythological “guardian” of other wild creatures in the region. Thus, the “generic” designation of the wild man can evolve into a kind of proper name.

Keywords: mythology; demononymy; onymization; naming patterns; wild man; forest people; mountain people

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 24-18-01119, <https://rscf.ru/project/24-18-01119/>). The author expresses his grateful appreciation for the advice and assistance of N. N. Kazansky, V. V. Napolskikh, M. Y. Reutin, D. S. Nikolaev, N. V. Vozyakova, R. Salvatore, E. Moroni, N. M. Zaika, and D. Yu. Vashchenko.

For citation

Neklyudov, S. Yu. (2024). Essay on Comparative Demononymy: The “Wild People” of Central and Western Europe. *Voprosy onomastiki*, 21(3), 70–92. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.032

Received on 25 July 2024

Accepted on 30 September 2024

1. Введение

Как известно, в ряде традиций низшей мифологии, преимущественно в горных районах¹, кроме многочисленных демонологических персонажей, духов-хозяев ландшафта, флоры, фауны, стихий, болезней, сфер деятельности и т. д., существуют также представления о некоем особом антропоморфном существе — «диком» («снежном») человеке, йети, алмасы, гули-явони, каптаре, чучуне и пр. Комплекс подобных представлений обнаруживается в текстах фольклорно-мифологической прозы и авантюрных повествований, в изобразительных сюжетах, обрядовых практиках и перформансах; кроме того, о «диких людях» рассказывается в китайских и европейских письменных памятниках, древних и средневековых².

Согласно всем этим сообщениям, «дикий человек» — поросший шерстью, не имеющий одежды, не пользующийся огнем, не владеющий членораздельной речью — скрытно обитает где-то в «нашем» мире, но в местах труднодоступных, неосвоенных (горных пещерах, лесах, пустынях), иногда вступая в соприкосновение (чаще недружелюбное) с окрестными жителями. Особенность данного персонажа состоит в том, что местными традициями он рассматривается как создание из плоти и крови, отличающееся от духов всех разновидностей, но в полной мере не относящееся ни к животным, ни к людям.

Это обстоятельство способствовало тому, что путешественники, альпинисты, натуралисты конца XIX — начала XX в., соприкоснувшись с легендами о диком человеке центральноазиатских нагорий и сибирской тайги, вполне «по-дарвинистски» опознали в нем реликтового гоминида, за которым

¹ Памир, Тибет, Гималаи, Китай, Монголия, Саяны, Восточная Сибирь, Прибайкалье, Восточный Казахстан, Кавказ, Балканы, Западная и Центральная Европа.

² Содержательный состав этого комплекса в общих чертах описан автором [Неклюдов 2022: 441–457].

и закрепилось название *снежный человек* [Неклюдов 2022: 27, 43–46]. Отсюда берет начало гоминология — не признаваемый научным сообществом раздел приматологии, представители которого (В. А. Хахлов, П. Л. Драверт, В. П. Чернецкий, Б. Ф. Поршневу, Ж. И. Кофман, А. Т. Сандерсон и др.) исходили из теоретической возможности существования в наше время реликтового гоминида и занимались его поисками³. Эти положения, впрочем, так и остались недоказанными. Не найдено никаких свидетельств физической реальности этого существа — ни стоянок, ни погребений, ни продуктов жизнедеятельности, ни останков умерших; отсутствует какой-либо биологический материал, подтвержденный надежной экспертизой [Симченко 1993: 167; Williams 2013; Sykes et al. 2014; Leake 2015; Tianying Lan et al. 2017; Perkins 2017]. Соответственно, дикий человек пока должен рассматриваться только как фольклорно-мифологический персонаж.

В разных регионах он может называться по-разному, однако за всем лексическим многообразием стоит ограниченное количество продуктивных номинативных моделей⁴, согласно которым дикий человек в каждом случае определяется по какому-либо одному доминантному признаку. Изучение подобных моделей способствует определению семантического поля, в котором складывается данный образ, выявлению его этно- и культурно-специфических типов (ойкотипов), реконструкции их исторических связей, в конечном счете — пониманию генезиса и развития самого представления о «дикости» (vs. «цивилизованности»). Эта «дикость» может иметь три основных регистра: дикость «природная» (дикие люди как особый разряд живых существ, обитающих по соседству с человеком); дикость «вторичная» (результат «одичания», объяснительная модель к предыдущему типу); дикость «этнокультурная» (племена вне «цивилизованной» ойкумены, «дикари»); надо добавить, что границы между первым и третьим случаями не всегда достаточно отчетливы.

Далее в статье речь пойдет об обозначениях диких людей как определенного класса живых существ в мифологической картине мира. Однако, как будет показано, у таких названий есть и некоторый потенциал ономастизации — с одной стороны, образования на их основе топонимов (обычно оронимов), относящихся именно к данному, единичному природному объекту, а с другой — их индивидуализации, когда в ряде фольклорных нарративов

³Гоминология — часть более широкой области (также относимой к псевдонаукам) — криптозоологии, утверждающей реальность фольклорно-мифологических животных [Eberhart 2002], которые якобы столь малочисленны и ведут столь скрытый образ жизни, что недоступны для эмпирических наблюдений.

⁴О моделях номинации см. [Гак 1977; Хасанова 2016].

дикий человек как представитель того или иного типа (один из множества) становится вполне конкретным персонажем, существующим вне общности с другими ему подобными, или даже обретает статус единственного «хозяина» прочих диких существ и диких мест, вследствие чего его «родовое» обозначение оказывается своего рода собственным именем.

Начнем с рассмотрения номинаций диких людей у народов Центральной и Западной Европы.

2. «Дикие люди» в романских традициях

Как пишет Р. Бернхаймер, романские определения «дикости» (фр. *salvage* и *sauvage*, англ.-норм. *salvage* и англ. *savage*, ит. *selvatico* или *selvaggio*, ретором. *salvadegh*, исп. *salvaje*) имеют то же распространение и те же семантические обертоны, что и их германский синоним *wild*. Кроме того, у этих романских слов есть более близкая, чем у германских, связь с лесом — сценой и матрицей всей дикой жизни. Их происхождение, конечно, от лат. *silva* ‘лес’⁵, поэтому названия, данные дикому человеку, — *homme sauvage*, *salvage man*, *uomo selvatico* — указывают не только на тип персонажа, но и на характер среды его обитания [Bernheimer 1952: 20].

Действительно, в древности (начиная по крайней мере с Катона) соответствующее латинское определение употреблялось по отношению к диким / «лесным» животным и растениям (яблоням, свиньям, мышам и т. д.) [OLD: 1762]; таким образом, значение ‘лесной = дикий’ фиксируется не позднее II в. до н. э.⁶ Однако ни в архаической, ни в классической латыни нет словосочетания «дикий человек» / «дикие люди», оно появляется только в средневековых текстах: в «Декретах» Бурхарда Вормского (*Burchard von Worms*, X в.) — о поверье, «что существуют дикие женщины (*agrestes feminae*), называемые лесными (*silvaticas*)» [Mannhardt 1877: 113]; в «Английских хрониках» Ральфа (Радульфа) Коггесхоллского (XII в.) — о саффолкском диком человеке (*hominem silvestrem*) [Radulphi de Coggeshall 1875: 117–118]⁷; в «Истории

⁵ Точнее, вульг. лат. *salvaticus* < *silvaticus* ‘лесной’ [Littré 1889: 1838; Niedermann 1908/1909 (Anz.): 79]]. За этимологические разъяснения и дополнения сердечно благодарю Н. Н. Казанского (личное письмо от 7 июня 2023 г.).

⁶ См. также в «Лекарстве Хирона для мулов» («*Mulomedicina Chironis*», IV в.), «Глоссах Райхенау» (*Reichenau Glosses*, VIII в.); в XII–XIII в. появляются формы *sauvageon* ‘дичок’ (неокультурный вид) и *sauvagine* ‘животные, живущие в диком состоянии’, ‘болотная, морская птица’.

⁷ В более поздних сообщениях саффолкский дикий человек описывался как «водяной (*merman*)» [Thompson 2001: 30]; не вполне понятно, впрочем, принадлежит данное определение «голосу традиции» или автору статьи.

монгалов» Плато Карпини (XIII в.) — о диких людях (*homines sylvestres*), обитающих в пустыне, поблизости от земли кара-китаев⁸.

Ст.-фр. *home sauvage* ‘дикий человек’ впервые обнаруживается в тексте XII в. (у Боделя)⁹, что совпадает с наблюдениями медиевистов о появлении фигуры дикого человека в литературных произведениях, прежде всего в рыцарских романах, как раз начиная с XII в., причем именно в это время французский язык интенсивно пополняется латинской лексикой, включая и слово *sauvage* [Gamillscheg 1928: 788]. Оно широко представлено в разных диалектах и в других романских языках [Littré 1889: 1838–1839], но благодаря их проницаемости для заимствований тут нет прямой необходимости в протороманской реконструкции¹⁰.

Однако первая фиксация термина ничего не говорит о времени появления самого понятия, напротив, слова Боделя «À prendre lui convient [il faut] vie d’home sauvage, / Et gesir mainte nuit al vent et al orage» <Ему придется привыкнуть вести жизнь дикого человека, / Ночами спать на ветру и в бурю> подразумевают ссылку на некое общее знание подобной темы, на ее укорененность в традиции. Насколько словосочетание *homme sauvage* имеет прямой латинский источник, сказать трудно — оно, как и его латинский эквивалент, может оказаться калькой с соответствующего германского (франкского?) выражения, «женский» вариант которого (*wildiz wip*) фиксируется еще в X в. (см. ниже), как и латинская форма у Бурхарда Вормского (т. е. опять-таки во франкской традиции). Обратим также внимание, что именно франкский источник предполагается для наиболее раннего свидетельства о «празднествах диких людей» — в испано-латинском покаянном вероисповедании IX или X в. [Bernheimer 1952: 43]; впрочем, само рассматриваемое словосочетание там не присутствует.

Непонятно, наконец, в какой мере ст.-фр. *sauvage* могло к XII в. (и даже несколько раньше) еще сохранять в своем семантическом спектре исходную связь с лесом, хотя это и не исключено. Вспомним по данному поводу саффолкского дикого (*silvestrem*) человека (1197), выловленного рыбаками в море [Radulphi de Coggeshall 1875: 117–118], диких (*sylvestres*) людей, обитающих в пустыне, у Плато Карпини [1957: 38], а также «дикого водяного» (*wilder wazzer-man*) из романа Генриха фон дем Тюрлина «Корона» («*Diu Crône*»,

⁸«Ближе к югу есть некая великая пустыня, в которой, как полагают, живут дикие люди (*sylvestres homines*), которые никак не разговаривают и не имеют суставов на ногах» [Плато Карпини 1957: 38–39].

⁹В эпической поэме (*chanson de geste*) Жана Боделя о войне Карла Великого с саксонским герцогом Видукингом [Bodel 1839: 46].

¹⁰Н. Н. Казанский, личное письмо от 7 июня 2023 г.

1220), определяемого словарем как «лесное чудовище (*waldungetüm*), живущее в воде» [Lexer 3: Sp. 712]. В обоих случаях отсылка к «лесу» (лат. *silva*, нем. *Wald*), конечно, утрачивает свою предметную конкретность, передавая лишь общую идею «дикости», но, возможно, удерживает некоторую семантическую апелляцию к своим исходным значениям (ср. латин. *salvan* [Kindl 2004: Sp. 255–256; Alinei 1985: 49–78]¹¹, тирол. *l'om salvadegh, salvanel* [Schneller 1867: 201, 213], *salvang* [Zingerle 1859: 85, № 133] ‘дикий / лесной человек’).

Во французском словаре конца XIX в. значение слова *sauvage* раскрывается следующим образом (речь идет о «дикаре», человеке из «дикого» племени, а не о мифологическом диком человеке): «...люди, которые живут в хижинах небольшими сообществами, не имея, строго говоря, ни земледелия, ни стад и почти не заботясь ни о чем, кроме охотничьей добычи»¹². Склонность к охоте или войне свойственна и нам, и животным: дикий человек умеет только драться и охотиться» [Littré 1889: 1838]¹³. Хотя это описание, несомненно, связано с топикой колониальной эпохи¹⁴, бросается в глаза, что такой набор признаков практически полностью приложим и к характеристике легендарных диких людей, как они представлены в культуре европейского Средневековья и, насколько можно судить, в фольклоре той эпохи. Весьма вероятно, что именно подобная «мифологическая» модель описания, которой уже располагала традиция, стала в подходящих обстоятельствах использоваться и с вполне «этнографическими» целями.

3. «Дикие люди» в немецких традициях

Обратимся к германским обозначениям диких людей: нем. *wilder Mann, wilde Männer* [Zingerle 1859: 77–79, 81–84, № 120–124, 129–132], *wilde Leute* [Baader 1851: 313, № 346] ‘дикий человек, дикие люди’, *wildes Mannl, wilde Fräulein* ‘дикий человек, дикая девушка’ [Zingerle 1859: 79, № 125], *wildes Weib* [Kuhn, Schwartz 1848: 167, № 190], *wilde Frau* ‘дикая женщина’ [Pröhle

¹¹ По свидетельству Элизы Морони (личное письмо от 23 августа 2024 г.), в горных районах Северной Италии (Доломитовые Альпы, Трентино) дикий человек *Salvanel*, или *Selvadech*, занимает важное место в латинских фольклорных преданиях.

¹² Взгляд утвердившегося земледелия на более архаическое пастушество; вспомним противопоставление «живущего в шатрах» Иакова и волосатого зверолова, «человека полей» Исава (Быт. 25:27, 27:11); волосатость — самый универсальный признак «дикого человека».

¹³ Далее там же (опять-таки вполне «этнографически») — о «диких народах» к северо-западу от Миссисипи («au nord-ouest du Mississipi où <...> les nations sauvages») и о «диких людях» в лесах, которые «часто вооружались друг против друга» («dans les forets les sauvages humains Souvent l'un contre l'autre avaient armé leurs mains»).

¹⁴ Н. Н. Казанский, личное письмо от 7 июня 2023 г.

1886: 100–101, № 135; Grässe 1874: 186–187, № 789]; тирол. *wilden mon, bilmon, bilder / bedel mon* (= *wilder Mann* ‘дикий человек’) [Mannhardt 1877: 112], *bilden beiber* (= *wilde Weiber* ‘дикие женщины’) [Schneller 1867: 201], *will weib* ‘дикая женщина’, *wille freule* ‘дикая девушка’ [Baumbach 1873: 846]. Обозначение *wilden Weiber / bilden beiber / wildes Weib* в форме *wildaz / wildiz wip* (др.-в.-нем. *wildwīb* ‘дикая женщина’ [Köbler 1993: 1269]) встречается еще в глоссарии X в. (Мондзее, Австрия), в комментарии к цитате из Книги пророка Исаяи, где «дикая женщина» приравнивается к майе и ламии («*lamia, holzmoia vel wildaz wip*» <ламия, лесная майя или дикая женщина> [Bernheimer 1952: 35]) — разумеется, речь идет о средневековых редакциях данных мифологических образов. Та же эквивалентность — в глоссарии XI в. из Тегернзее (Бавария) и в двух алфавитных глоссариях XII в., один — откуда-то с юга Германии, другой — из Шефтларна около Мюнхена, где, кстати, соответствующий персонаж назван *holzwib* ‘лесная женщина’ [Ibid.: 52]¹⁵, что дополнительно указывает на совпадение «дикого» (*wildiz*) и «лесного / древесного» (*holz*); ср. ср.-нем., франк., бавар. *Holz- und Moosleute / Holz- und Moosfreülein* ‘лесные / древесные и моховые люди / девы’ [Mannhardt 1877: 73].

Дикая женщина (*wildez wip*), нападающая на рыцаря Гавейна, фигурирует и в одном из эпизодов «Короны» Генриха фон дем Тюрлина [Heinrich 2012: 155–156; Felder 2006: 72]. Она описана чрезвычайно подробно (ст. 9340–9425), и почти по всем признакам (уродство, гигантский рост, тело, покрытое звериной шерстью, огромные груди, когти и пр. [Mannhardt 1877: 108, 117; Bernheimer 1952: 33]¹⁶) это описание совпадает с описаниями диких женщин в фольклорных традициях XIX–XX вв. То же относится к связанному с ней сюжету: пленение человека и утаскивание его к себе, в горную пещеру, причем границей «ее мира» является река, которую герой должен пересечь при бегстве (ст. 9495–9510) [Неклюдов 2021: 2–6].

Итак, «женская» версия дикого человека (*wildwīb, wildaz / wildiz wip, holzwib* ‘дикая / лесная женщина’) появляется, причем достаточно устойчиво, значительно раньше «мужской» — его «водная» разновидность (*wilder wazzer-man* ‘дикий водяной’) фиксируется только три века спустя в упомянутом

¹⁵Майя, Майеста — италийская богиня, культ которой существовал в античной Италии; 1 мая ей приносили в жертву беременную свинью. Ламия в средневековой традиции — женский демон в облике прекрасной женщины, иногда со змеиной или паучьей нижней частью тела; в Вульгате — эквивалент Лилит; существо, подобное сирене или нереиде [Любкер 1885: 814–815; Махов 2007: 161–162].

¹⁶Ср. также одно из тирольских обозначений дикой женщины — *Langtüttin* ‘Длинная титька’ [Zingerle 1859: 80–81, № 127–128]. *Tüttel, tü(t)el* (ср.-в.-нем. устар., а также обл.) ‘грудь, кончик груди’ [Duden 1983: 1301].

эпизоде «Короны»: «Этот зверь <...> был по всему телу покрыт змеями и гадами, и был это дикий водяной» [Heinrich 2012: 155, Z. 9230–9237]; как можно понять, специфическая среда обитания (и синтез с соответствующими духами-хозяевами) обусловили «рептилизацию» его облика. Вероятно, именно такой «дикий водяной» (*wilden wazzerman*) в рыцарских доспехах и с рыбьим хвостом, похищающий дикую женщину из идиллического поселения диких людей, изображен на гобелене франко-фламандской традиции начала XVI в. [Zander-Seidel]. Надо добавить, что «дикий водяной» (*wilder Wassermann*) — это еще и персонаж популярной немецкой баллады, берущий в жены земную девушку [Deutsches Balladenbuch: 3–5, № 1; Erk, Böhme 1: 2–6, № 1a, c, d, e], причем иногда эпитет «дикий» прилагается также к ней самой, уже живущей в подводном царстве, и к его матери (*wildes Wasserweib* ‘дикая водяная женщина, русалка’) [Erk 1856: № 17; Schladt 2014].

Таким образом, если «дикая женщина» (*wildez wip*) из текста XIII в. по своему облику и сюжетной ситуации в значительной степени совпадает с соответствующим персонажем мифологической прозы XIX–XX вв., то средневековый «дикий водяной» сильно отличается от одноименного демона немецкой фольклорной баллады нового времени, причина чего еще подлежит выяснению. Все это, однако, едва ли говорит об отдельном, и тем более первичном, возникновении «женской» версии — сравнительные материалы скорее свидетельствуют о гендерно неопределенных или двусоставных истоках образа диких людей.

Приведенный выше эпизод из «Короны», в котором рыцарь Гавейн последовательно побеждает «дикого водяного» и «дикую женщину», чрезвычайно близко, до деталей (отсечение руки чудовища и пр.) совпадает с соответствующими местами англо-саксонского «Беовульфа» (конец VII — начало VIII в.), где герой убивает сначала Гренделя, «беды приносящего демона преисподней» (*fyrene fremman feond on helle*), а затем — его чудовищную мать в ее обиталище (Beowulf 710–852:1251–1650)¹⁷. Поскольку прямая, «горизонтальная» связь между текстами здесь практически исключена, остается предположить генетическое сюжетное родство данных эпизодов, имеющее, по-видимому, достаточно значительную глубину (середина I тыс., до завоевания Британии?). Однако ни Грендель, ни его мать не характеризуются как «дикие» или «лесные»¹⁸, что весьма существенно для проблематики нашего исследования.

¹⁷Благодарю В. В. Напольских за указание на это сходство (личное письмо от 3 сентября 2024 г.).

¹⁸Разве что локализация их обиталища там, где «лесные заросли над трясинной» (*wudu wyrutum fæst wæter oferhelmað* (Beowulf: 1364).

Утверждение Р. Бернхаймера [Bernheimer 1952: 20] о том, что у романских наименований дикого человека связь с лесом ближе, чем у германских (*wild*)¹⁹, кажется несколько поспешным, учитывая семантику слова *wald* в древне- и средневерхненемецком, где оно может обозначать не только лес как таковой ('пространство, поросшее деревьями'), но и дикое место вообще (*Wildnis*), пустошь, пустыню (*Heide, Wüste*), ср. также ср.-в.-нем. *waldfeld* 'дикое поле' [Köbler 1993: 1209]. Не исключена и этимологическая связь *wild* 'дикий' с *wald* 'лес'²⁰, хотя на сей счет есть сомнения²¹. Ф. Клюге полагал, что подобное сближение продиктовано рассмотренным выше родством лат. *silvaticus* и фр. *sauvage*, а в качестве аргумента приводил следующее соображение: «*wild*, по-видимому, используется лишь в отношении живых существ (букв. 'бессмысленных, неразумных?')» [Kluge 1891: 395]. Это также вызывает сомнения, поскольку нем. *wild* 'растущий в лесу, не культивированный, не измененный селекцией; принадлежащий дикой природе' приложимо также к диким растениям (землянике, розам, яблоням), меду, вину, руде, камню, землям и т. д. [Duden 1983: 1442]. Было бы большим преувеличением считать все эти словоупотребления, скажем, рудиментом мифологического анимизма или метафорическим переносом описаний диких существ на неживые объекты.

4. «Дикие люди» в английских традициях

Особенно очевидна связь с лесом у среднеанглийской версии обозначения дикого человека, представленной в двух формах: *woodwose*²² и *woodhouse*²³; кроме того, зафиксировано словосочетание *wod(e) men* 'дикие люди' в религиозной поэме «Покоритель мира» (начало XIV в.)²⁴ и в английских метрических

¹⁹Ср.-в.-нем. *wilde*, др.-в.-нем. *wildi*, гот. *wilpeis*, тевтон. *wilpiz*, англ.-сакс. *wilde*, англ. *wild*, голл. *wild*, др.-сакс. *wildi*; соответствующее др.-исл. *villr* обычно означает 'сбившийся с пути, запутавшийся' [Kluge 1891: 395].

²⁰*Wild* «возможно, связано с *Wald*; собственно — 'растущий в лесу, не культивируемый'» [Duden 1983: 1442].

²¹«Связь [*Wald* 'лес'] с *wild* 'дикий' неясна. «Связь [*wild*] с *Wald* маловероятна, хотя более определенное происхождение пока не найдено» [Kluge 1891: 383, 395; Маковский 2004: 580].

²²*Wudewasa, wodwos* (-*wyisse*), *wodewese, wodewose, wodwose* (-*wous(e), -woys, -wosh(e), -wyssh(e), wode-wyuse*), *woodwose* (-*wyss, -woss*), pl. *wodys, vodys; woodowes, wodowes, woodos(e)* 'дикий человек из леса; дикарь; сатир, фавн; человек, одетый так, чтобы изображать подобное существо во время представления'. Иногда принимается за мн. ч. или истолковывается как мн. ч. [OED 10/2: 272].

²³*Wodehouse / -howse, wood(e)hous(e)* [OED 10/2: 272].

²⁴«*Be elleuenth day men schall com oute / Off cavis & holis & wende aboute / As wode men þat no witt can*» <На одиннадцатый день люди покинут / Пещеры и холмы и станут бродить вокруг / Как лесные люди, которые не имеют разума> [Cursor mundi 2000: 156, App. B. L. 4778–4800]; «*Wod men at his natiuite / To kirk be draun wit semble*» <В день Его Рождества лесные люди / Вместе сходятся (букв. «притягиваются») к церкви...> [Cursor mundi 1874–1893: 756, L. 13186–13187].

гомилиях²⁵ 1345 г. [Small 1862/3: 26]. Лексема *woodwose* этимологизируется как др.-англ. **wudu-wāsa* / **wude-wāsa* — от *wudu* ‘лес’, **wāsa* ‘существо’ (? < *wesan*, *wosan* ‘быть’; ‘быть живым’) [Whitney 1889–1891: 6970]. Сложнее дело обстоит с этимологией слова *woodhouse*, где второй компонент возникает либо в результате гиперкоррекции (непонятное *-wouse* > «понятное» *-house*?), либо, что менее вероятно, изначально обозначает ‘лесное жилище’, название которого затем переносится на его обитателя.

Первая фиксация среднеанглийской формы *woodwose* встречается в романах «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь» (*wodwos þat woned in þe knarrez* ‘дикий человек, который живет в скалах’; ок. 1390) [Kirtlan 1912: L. 721, stanza 31, long; Dickson 1929: 114] и «Смерть Артура» (*unwysse wodewyse* ‘неразумный дикий человек’²⁶, 1450–1470-е гг.) [Malory 1: L. 3818]. Известны также следующие упоминания [OED 10/2: 272]: «сатиры, дикие люди (*wodewoses*), тигры и другие ужасные животные» (Trevisa Barth. De P. R., 1398); «король Франции танцевал в своем зале с другими рыцарями, и был одет диким человеком» (*wodwous*; John Capgrave. The Chronicle of England, 1460); «некоторые ходили голыми, некоторые бродили как дикие люди (*woodoses*), никто ничего не делал по разуму»²⁷ (Thomas Wilson. Rhet. Pref., 1553); «этих зверей вели некие люди, одетые как дикие люди, или вудхаусы» (*wilde men, or woodhouses* [Hall’s chronicle: 517]; по-видимому, в середине XVI в. форма *woodhous* была уже не столь распространена и прозрачна, раз автор в своем описании считает нужным дать ей такое пояснение).

Обращает на себя внимание, что во всех этих случаях речь идет не о самом мифологическом персонаже, а о его карнавальной маске. Вообще «дикие люди, или вудхаусы (*the savage men, or wodehouses*), как их иногда называют, часто появлялись на публичных представлениях» (Jehoshaphat Aspin. Ancient Customs, 1832) [OED 10/2: 272]; подобные игрища с участием дикого человека / диких людей — как связанные с народными обрядами, так и развлекательные, церемониальные в традициях городской культуры (включая аристократическую, придворную) — были чрезвычайно распространены в средневековой Европе, а в фольклоре сохранялись до сравнительно недавнего времени [DWb Grimm 30: Sp. 66, 1.8; Sommer 1846: 153–156; Withington 1: 71–77; Bernheimer 1952: 49–84; Lyngne 1952: 14–42].

²⁵Гомилия — древняя экзегетическая форма проповеди, содержащая истолкование прочитанных мест Писания.

²⁶Эту строку можно понять и иначе: «как безумец, как дикий человек» [Tolkien 2014: 55].

²⁷По крайней мере к XIV в. это *wode* начинает пониматься как ‘безумные, буйные’ [Cursus mundi 1874–1893: 262]. Ср. нем. разг. *zu spielen den wilden Mann* ‘изображать / играть дикого человека, бесноваться, безумствовать’ [Drosdowski, Scholze-Stubenrecht 1992: 475].

По поводу же выражения *savage man* (<англ.-норм. *salvage man*) из последней цитаты надо заметить, что, по-видимому, самое раннее свидетельство его использования датируется 1575 г. (где, кстати, кроме того, дается еще и итало-испанское обозначение дикого человека — *hombre saluagio / salvaggio*): «A iv, There met her in the Forest as she came from hunting one clad like a Sauage man, all in luie» <Они встретили ее в лесу, возвращающуюся с охоты, всю в плюще, подобно дикому человеку> [Gascoigne 2013: 297]²⁸; «For aboout nien a clock, at the hither part of the Chase, whear torchlight attended: oout of the woods, in her Maiestiez return, rooughly came thear foorth Hombre Saluagio[marg. The sauage man], with an Oken plant pluct vp by the roots nin hiz hande, himself forgrone all in moss and luy» <Приблизительно через десять часов в ближней части охоты, примерно по возвращении Ее Величества, из леса при свете факела вышел вперед дикий человек, держащий в руке вырванный с корнем дуб, сам весь заросший мхом и плющом> [Robert Laneham's letter: 14].

Скажем, наконец, и о том, что в приведенных выражениях опять-таки совершенно несомненна эквивалентность «лесного» (*wod / wode / wood*) и «дикого» (*wilde / sauage / saluagio / salvaggio*)²⁹.

5. Романо-германская модель номинации дикого человека

Таким образом, обозначение «дикости» в романо-германских традициях прочно (даже этимологически) ассоциируется с лесом, хотя имеет место и не терминологизируемая, но теснейшая содержательная связь с горами; вспомним «дикого (<“лесного”>) человека (*wodwos*), который живет в скалах» из рыцарского романа XIV в. Дикие люди, особенно в Гарце (Нижняя Саксония), будучи хозяевами всех скрытых в тамошних недрах полезных ископаемых, считаются покровителями горнодобывающих промыслов [DWb Grimm 30: Sp. 66, 1, 1.α]; есть даже шахтерский городок, который носит название *Вильдеманн* ‘Дикий человек’ — якобы в память о некогда обитавшем там диком человеке (*wilde Mann*), встретившемся королю Генриху Птицелову [Kuhn, Schwartz 1848: 187–188, № 211], или в честь диких мужчины и женщины, обнаруженных рыцарем Клаусом, основателем нижнесаксонского городка Клаусталь (совр. Клаусталь-Целлерфельд) [Pröhle 1886: 100–101, № 135].

²⁸ Книга Джорджа Гаскойна «Княжеские удовольствия при дворе в Кенилворте» (1576) представляет собой отчет о придворных развлечениях Роберта Дадли, первого графа Лестера после трехнедельного визита королевы Елизаветы I в его замок Кенилворт в Уорикшире в 1575 г.

²⁹ Как отметил В. В. Напольских, интересна также аллитерация *wald ~ wild*, почти та же, что в *silva- ~ salva-* (личное письмо от 3 сентября 2024 г.)

В языковой номинации, однако, этот «монтологический» компонент, как было сказано, не участвует³⁰ — за вычетом, пожалуй, только некоторых оронимов. Так, в горах Центральной Европы (Гессен, Баден-Вюртемберг, Тироль) дикие женщины / дикие люди живут в скальных гротах, называемых *Wild Fräuleinhaus* 'Дом диких девиц', *Wildeleutloch* 'Пещера диких людей' [Mannhardt 1877: 73, 88], *Wildefrauenhäuschen* 'Домики диких женщин' [Wolf 1853: 53], а сами эти скалы именуются *Wildmannstein* 'Скала дикого человека' [Zingerle 1859: 81, № 129], *Wildleutstein* 'Скала диких людей' [Baader 1851: 313, № 346], *Wildemännerklippe* 'Утес диких людей' [Pröhle 1886: 100–101, № 135], *Wildeweibchenstein* 'Скала диких женщин' [Wolf 1853: 55]; камни же, на которых они сидели и за которыми столовались, обозначаются как *Wilden Frau Gestühl* 'Помост / скамья дикой женщины' [Ibid.: 48, 53, 54], *Wildleutschüssel* 'Чаша диких людей' [Baader 1851: 313, № 346] и т. д.; аналогичная картина — в Тироле [Alpenburg 1857: 10]. На давность обычая называть подобным образом элементы ландшафта (обычно горные) указывает появление еще в документе XI в. (Гессен) названия «Дом дикой женщины» (*wilderô wibô hûs, ad domum wilderô wibô*) для одного из мест в этой области (близ Бад-Зоден-Зальмюнстера, где найдено несколько таких «домов») [Mannhardt 1877: 86; Bernheimer 1952: 10].

Следовательно, если оставить в стороне некоторые локальные обозначения с неясной этимологией, например тирол. *gannes* 'дикая женщина' [Zingerle 1859: 85, № 133], в том числе относящиеся к другим демонологическим персонажам, которые самой традицией сближаются с дикими людьми (*Lorg[en]* [Ibid.: 86, № 134–135], а также *Hinnemutter* 'Матушка-покойница' [Gallée 1901: 50]³¹), мы должны констатировать, что в этом этнокультурном регионе модель номинации дикого человека как «исходно лесного» оказывается практически универсальной.

Та же модель обнаруживается и за пределами романо-германского языкового ареала, в некоторых соседствующих традициях. Скажем, дикий человек баскского фольклора (*basajaun*) — это «лесной господин» (*baso* 'лес', *jaun* 'господин'), а дикая женщина — это «лесная женщина / госпожа» (*basandere*) [Eberhart 2002: 32; Zaika 2014: 458–459, 480–482, 536–539; Cerquand 1877:

³⁰Редкое исключение — по-видимому, относящаяся к тому же типу горная дева Серрана из испанского народного романса, которая «обитает на вершине гор» (*En lo alto de una sierra habitata una serrana*), заманивает к себе в пещеру и оболщает путников, после чего убивает / съедает их [Возякова 2014: 309–311]. Благодарю Н. В. Возякову за указание на этот сюжет.

³¹По дороге из Вестерхаузена в Тале, сразу за деревней, на горе, покрытой скалами из песчаника, находится пещера в камне *Hinnemutterstube* 'Жилище матушки-покойницы' [Kuhn, Schwartz 1848: 167, № 190].

493–494, № 70–71; Webster 1879: 47–53, № 4]³². С лесом связано и *vad* ‘дикий’ [Benkő 2: 1594]³³ в названиях дикого человека (*vad ember*) и дикой девушки (*vad leány*) у трансильванских венгров [Rócs 2012: 101–107]; в последнем случае это подчеркивается наличием параллельных обозначений *erdei leány* ‘лесная девушка’ и *erdei anya* ‘лесная мать’³⁴. Среди славянских традиций той же модели следует чешский фольклор: *lesní muž* ‘лесной / дикий мужчина’, *lesní mužove* ‘лесные / дикие люди’, *lesní panny*, *lesné žinky* ‘лесные девы’ [Grohmann 1864/1: 15, № 68; Mannhardt 1877: 86; Валенцова 2022: 68–69]; как правило, в славянском мире обозначения диких людей возникают совсем на другой семантической базе: **div-* (словац. *divá / divý / divé*, серб. *divà* и т. д., т. е. ‘дикий; чудесный’) [Плотникова 2022: 217], и этот материал требует отдельного рассмотрения.

Остается открытым вопрос, относится ли «первичная дикость» к качествам самого «неокультуренного» пространства³⁵ ~ какой-либо его области³⁶ (тогда как животные, растения, элементы ландшафта определяются подобным образом по соответствующему местонахождению³⁷) или, напротив, первична «дикость» обитателей лесов и пустынь, наделяющих тем же признаком и данные природные зоны³⁸. Впрочем, возможно, что такая постановка вопроса вообще некорректна, никакого понятия о пространстве вне его конкретного наполнения в мифологической картине мира не существует.

6. Заключение

1. Итак, согласно романо-германской модели терминообразования, «дикое» выражается через принадлежность к лесному, причем по крайней

³² Благодарю Н. М. Заюку за указание на эти тексты.

³³ См. параллели из других угро-финских языков [Tóth 2007: 216, 385] и деривационные значения в данном лексическом гнезде: ‘дикая местность, заросли’ (*vadon*), дикие животные (*vadállat* ‘дикий зверь’, *vaddisznó* ‘кабан’, *vadnyúl* ‘заяц’), охота (*vadász* ‘охотник’, *vadászat* ‘охота’, *vadászni*, *vadászik*, *vadászott* ‘охотиться’) [Ольдал, Гейгер 1960: 386–387].

³⁴ Благодарю за разъяснения по данному поводу Д. Ю. Ващенко.

³⁵ «Любопытно, что самая древняя дикость, как кажется, связана с выпасом и полем (если санскр. *ajra-*, греч. *ἄγριος*, лат. *agrestis* связаны с глаголом ‘гнать’: лат. *ago*, etc.; эту связь отстаивал П. Шантрен» (Н. Н. Казанский, личное письмо от 7 июня 2023 г.). Ср. еще: «удм. *луд* ‘священная роща, озимое поле; дикий (о птицах, зверях)’ (< балт.-слав.) и *кыр* ‘открытая местность, степь; дикий (то же)’ (< тюрк.)» (В. В. Напольских, личное письмо от 3 сентября 2024 г.).

³⁶ В одной из песен, приписываемых «Кастеляну из Куиси», труверу XIII в. («*Lai dame dou Faël*»), «дикой землей» (*la terre sauvage*), называется страна сарацин [Michel 1830: 95].

³⁷ «*Nous appelons sauvages des bêtes qui ne sont pas apprivoisées, et qui s'enfoncent dans les forêts, et de là nous avons donné le nom de sauvage à l'homme qui vit dans les bois*» <Мы называем дикими зверями тех, кто не приручен, и тех, кто уходит глубоко в леса, и поэтому мы дали имя дикаря человеку, который живет в лесу> [Voltaire 1774: 8].

³⁸ Ср.: «[В пустыне] жуткая и ужасная тишина, которую прерывали лишь крики диких зверей» (*les cris des bêtes sauvages*) [Bossuet 1864: 158].

мере к XII в. это первичное значение затуманивается настолько, что дикому (< лесному) человеку не возбраняется жить в горах, на скалах, в пустыне и даже в воде, откуда он может появиться или быть извлечен.

2. Немецкие обозначения дикого человека (диких людей, дикой женщины / диких женщин, дикой девушки / диких девушек) имеют весьма устойчивый словесный состав: *wild* (*wildaz* / *wildiz*, *wilde*, *wilder*, *wildes*; *will* / *wille*, *bilder* / *bedel*) + *mann* (*mon*, *mannl*, *männer*; *leute*); *weib* (*wīb* / *wip*; *beiber*), *frau* (*fräulein*, *freule*). Совсем на иной лексической основе, хотя и с теми же значениями, образуется английское название данного персонажа: *woodwose* (*wodewoses* / *wodwos* / *wodwous* / *woodoses* / *woodhouse* и т. д.), возводимое к др.-англ. *wudu* / *wude* ‘лес’ + **wāsa* ‘существо’, т. е. ‘дикий (< лесной) житель / обитатель’, редко — *wod(e) men* ‘дикие люди’.

Соответственно, при всех структурно-семантических совпадениях здесь используются разные слова, возможно, и генетически не родственные [Kluge 1891: 395; Köbler 1993: 1209; Skeat 1874: 711, 716]. Впрочем, если такое родство даже имеет место, его «точка схода» все равно должна лежать на гораздо большей исторической глубине, нежели рассматриваемые процессы терминообразования, которые в Британии и на континенте явно были взаимозависимыми, что полностью исключает реконструкцию какой-либо общегерманской праформы (речь идет именно об обозначениях, а не о связываемых с ними сюжетах — ср. параллели между англо-саксонским «Беовульфом» и южнонемецкой «Короной»).

3. В романских названиях дикого человека воспроизводится та же семантическая модель. Как было сказано, латинское обозначение диких / лесных людей (*homines silvestres* / *sylvestres*) обнаруживается только в средневековый период (по крайней мере с X–XIII вв.) и, скорее всего, является переводом выражения, уже существовавшего в «живых» наречиях того времени, а не наоборот; это, по-видимому, относится и к «диким / лесным женщинам» (*agrestes* / *silvaticas feminae*) Бурхарда Вормского (X в.) — напомним о «параллельных» свидетельствах того же времени: др.-в.-нем. *wildwīb*, *wildaz* / *wildiz wip* ‘дикая женщина’ и ст.-фр. *home sauvage* у Боделя (XII в.), явно отсылающее к фигуре, которая уже укоренилась в тогдашней картине мира. К этому (северофранцузскому?) источнику восходит и англ. *savage man* — от англ.-норм. *salvage man* [OED 9: 185]³⁹, часто встречающееся в среднеанглийских текстах⁴⁰.

³⁹Позднее эта форма может сближаться с англ. *salvage* ‘спасать’ (< лат. *salvare* ‘сохранить’), что соответствует некоторым осмыслениям этого образа [Sykes 1982: 925; Graham].

⁴⁰Прежде всего — о маскарадном персонаже, одетом в листву и изображающем дикого человека, а также в геральдических описаниях [Skeat 1874: 536; OED 9: 185; Meriam-Webster]. Следует добавить, что в подобных описаниях встречается и испано-итальянское *hombre saluagio* / *salvaggio* [*selvaggio?*] ‘дикий человек’ (1575) [Irish 2018: 118].

Наконец, архаическую форму данной традиции сохранили диалекты ретороманского фольклора, в котором персонаж, именуемый *salvan* (< *silvanus*?), имеет весьма широкий спектр мифологических значений — от людоеда до волшебного помощника [Kindl 2004: Sp. 255–256; Alinei 1985: 49–78], и — через тот же субстрат — тирольской низшей мифологии, где дикого человека называют *salvadegh*, *salvanel* (< лат. *silvanellus*, двойной деминутив от *silvanus*), *salvang* / *salvegn* (< лат. *silvani*, *silvanii*) [Mannhardt 1877: 112–113], причем здесь, в отличие от доброжелательных или нейтральных «диких людей» Гарца, *salvang* — агрессивный великан, пришелец-насильник [Alpenburg 1857: 10]⁴¹.

4. Чем объясняется общность структурно-семантической модели при разных лексических базах терминообразования? Сравнительный материал свидетельствует, что эта общность совсем не является обязательной.

Во-первых, модель «человек дикий = человек лесной» — отнюдь не единственная (и тем самым не принудительная), есть еще «человек горный», «человек ледника» (= «снежный человек»), «человек-зверь» и некоторые другие (Центральная и Восточная Азия).

Во-вторых, не предполагается, что у соседей, даже этнически родственных, должна господствовать какая-либо одна модель: в некоторых регионах как раз наблюдается большое разнообразие (Кавказ, Южная Сибирь).

Таким образом, пока остается невыявленным «исходный» этноязыковой носитель рассматриваемой структурно-семантической модели в Центральной и Западной Европе (причем, напомним, у славян она семантически совсем иная). Можно только предположить, что ее наиболее раннее освоение имело место в какой-то древнегерманской традиции (возможно, западногерманской, франкской). Дальнейший путь к решению данной проблемы — более широкое компаративное и ареально-диалектологическое исследование евроазиатского фольклорного материала.

5. Несмотря на то что определенный потенциал ономастизации, т. е. перехода апеллятивной лексики в ономастическую, у демононимов, несомненно, существует [Боброва, Русинова 2020: 83–103], вопрос о механизме такого перехода здесь достаточно сложен. Прежде всего, далеко не всегда удается провести четкую границу между названием диких людей как определенного разряда живых существ, с одной стороны⁴², а с другой — обо-

⁴¹ Наивная этимология автора — *salwang* от ср.-в.-нем. *sal-twanc* (? < метатеза *twancsal* / *zwancsal* ‘принуждение, насилие’) — возможно, допускает семантическое влияние псевдоформанта *twang* / *zwang* ‘угнетение’, отражающееся и на народном осмыслении образа.

⁴² Скажем, в высказываниях «вести жизнь “дикого человека”» у Боделя, «“дикие женщины”, называемые “лесными”» у Бурхарда, впасть в безрассудство «как безумец, “дикий человек”» у Мэ-лори и т. п.

значением отдельного персонажа, существующего вне какой-либо «племенной» общности (вроде Бабы-яги или Кощея Бессмертного русской сказки), иногда — мифологического «хозяина» остальных диких существ, обитающих на данной территории.

Такая персонализация характернее для фольклорных и литературных нарративов, хотя повествовательные контексты обычно не дают оснований для ее уверенной интерпретации. «Дикий человек, который живет в скалах» [Kirtlan 1912: L. 721, stanza 31, long] — это представитель некоего «племени» или единственное в своем роде существо? Более определенно выглядят «дикий водяной» и «дикая женщина», нападающие на Гавейна [Heinrich 2012: 9205–9531] — по крайней мере, в романе отсутствуют свидетельства того, что где-то есть другие подобные существа, а полчища чудовищ, выступающих на их стороне, напротив, относятся к типу никак не дифференцируемой однородной нечисти, нерасчленимой на отдельных особей [Неклюдов 1998: 17].

Достаточно, по-видимому, «индивидуализированным» может выступать дикий человек в тирольском фольклоре (*Wilder Mann, Salvanel, Salvang, Langtüttin, Gannes, Lorg*) — он часто появляется один, без каких-либо указаний на то, что где-то существуют другие такие же создания [Schneller 1867: 209–215, № 60–87; Zingerle 1859: 77–86, № 119, 120, 122–124, 127–131, 134]. Тем более это относится к испанской горной деве Серране, или к дикому человеку, который встречается королю Генриху Птицелову и становится эпонимом города Вильдеманн [Kuhn, Schwartz 1848: 187–188, № 211], или к паре диких людей из предания о рыцаре Клаусе, оказывающихся еще и прародителями некоторых семейств Гарца [Pröhle 1886: 100–101, № 135], или к диким людям (~ женщинам, девам) гессенских топонимических легенд [Wolf 1853: 42, № 60, 48, № 74, 53, № 83, 54, № 86–87], включая название «Дом дикой женщины» (*wilderô wibô hûs*) в документе XI в. Наконец, наибольший эффект ономастизации, по-видимому, достигается при обращении фольклорного героя к данному персонажу (например: «Дикий человек, удачи и благополучия! / Удели и мне мою долю!» [Schneller 1867: 209, № 1]), что в известном смысле можно рассматривать как называние его по имени.

Впрочем, для значительного количества текстов, особенно устных, вопрос о том, имеем мы дело с названием единственного в своем роде субъекта или с собственным именем, вероятно, пока остается спекулятивным.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

англ.-норм.	англо-нормандский язык (примерно XI–XV вв.)	ладин.	ладинский (тирольский ретороманский, доломитский, трентинский) язык
англ.-сакс.	англосаксонский (древнеанглийский) язык	ретором.	ретороманский язык, группа языков
бавар.	баварский диалект немецкого языка	ср.-в.-нем.	средневерхне немецкий язык
балт.-слав.	балто-славянские языки	ср.-нем.	средне немецкие (центральне немецкие) диалекты
вulg. лат.	вульгарная (народная) латынь	тевтон.	тевтонский язык (искусственный)
гот.	готский язык	тирол.	тирольский язык / диалект немецкого языка
др.-в.-нем.	древневерхне немецкий язык	франк.	франкский (древнефранкский) язык
др.-исл.	древнеисландский язык		
др.-сакс.	древнесаксонский (древненижнегерманский) язык		

Источники

- Любкер Ф.* Реальный словарь классических древностей. СПб. : О-во классич. филологии и педагогики, 1885.
- Маковский М. М.* Этимологический словарь современного немецкого языка. М. : Азбуковник, 2004.
- Махов А. Е.* Сад демонов. Словарь inferнальной мифологии Средневековья и Возрождения. М. : Intrada, 2007.
- Ольдал Г. И., Гейгер Б. Я.* Карманный венгерско-русский словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. 1960.
- Плано Карпини.* История монгалов // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / пер. А. И. Малеина ; ред., вступ. ст. и прим. Н. П. Шастиной. М. : Гос. изд. географ. лит., 1957. С. 23–83.
- Симченко Ю. Б.* Обычная шаманская жизнь: Этнографические очерки. М. : Центр прикладной этнографии Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1993.
- Alpenburg J. N. von.* Mythen und Sagen Tirols. Zürich : Meyer und Zeller, 1857.
- Vaader B.* Volkssagen aus dem Lande Baden und den angrenzenden Gegenden. Bd. 1. Karlsruhe : Verlag der Herderschen Buchhandlung, 1851.
- Baumbach R.* Eine deutsche Sprachinsel in Wälschtiroel // Die Gartenlaube / Hrsg. E. Keil. H. 52. Leipzig : Verlag von E. Keil, 1873. S. 843–846.
- Benkő 1–2 — Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen / Hrsg. L. Benkő. Bd. 1–2. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1993–1995.
- Bodel J.* La chanson des Saxons. Publiee pour la premiere fois par Francisque Michel. Paris : J. Téchener, 1839.
- Bossuet J.-B.* Panégyrique de saint Benoit // Oeuvres complètes de Bossuet / éd. Scient. F. Lachat. Vol. 12. Paris : Librairie de Louis Vivès, 1864. P. 157–165.
- Cerquand J.-F.* Légendes et récits populaires du pays basque // Bulletin de la Société de sciences, lettres et arts de Pau. Sér. 2. 1876–1877. T. 6. P. 450–528.
- Cursor mundi: The cursur o the world. A Northumbrian poem of the 14th century in four versions / ed. by R. Morris, H.-C.-W. Haenisch, H. Hupe, M. Kaluza. London : K. Paul, Trench, Trübner & Co., 1874–1893.

- Cursor mundi: The Southern version of Cursor mundi. Vol. 5 / ed. by L. M. Eldredge, A. L. Klinck, S. M. Horral. Ottawa : University of Ottawa Press, 2000.
- Deutsches Balladenbuch / mit Holzschnitten nach Zeichnungen von A. Ehrhardt, Th. von Ger, H. Plüddemann, L. Richter und C. Schurig. Leipzig : Georg Wigand's Verlag, 1852.
- Drosdowski G., Scholze-Stubenrecht W.* Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1992.
- Duden: Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion unter Leitung von G. Drosdowski. Mannheim ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1983.
- DWb Grimm — Deutsches Wörterbuch / von J. Grimm und W. Grimm. Bd. 1–33. Leipzig : S. Hirzel Verlag, 1854–1971.
- Eberhart G. M.* Mysterious Creatures: A Guide to Cryptozoology. Santa Barbara, California ; Denver, Colorado ; Oxford, England : ABC-CLIO, 2002.
- Erk 1856 — Deutscher Liederhort: Auswahl der vorzüglichern deutschen Volkslieder aus der Vorzeit und der Gegenwart mit ihren eigenthümlichen Melodien / Hrsg. L. Erk. Berlin : Th. Chr. Fr. Enslin, 1856.
- Erk, Böhme 1893–1894 — Deutscher Liederhort: Auswahl der vorzüglicheren Deutschen Volkslieder aus der Vorzeit und der Gegenwart mit ihren eigenthümlichen Melodien / Hrsg. L. Erk, F. M. Böhme. Leipzig : Breitkopf und Härtel, 1893–1894.
- Gamillscheg E.* Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache. Heidelberg : Winter, 1928.
- Gascoigne G.* The Princely pleasures, at the Courte at Kenelwoorth // John Nichols's The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth I. Vol. 2 : 1572 to 1578 / ed. by E. Goldring, J. E. Archer, E. Clarke. Oxford : Oxford Univ. Press, 2013. P. 287–332.
- Graham L. D.* The Bear, the Harlot, the Magician and the King. URL: https://maypoleofwisdom.com/wp-content/uploads/2021/01/the_bear_the_harlot_the_magician_and_the.pdf (date of access: 05.09.2024).
- Grässe J. G. Th.* Der Sagenschatz des Königreichs Sachsen. Bd. 2. Dresden : Schönfeld, 1874.
- Grohmann J. V.* Aberglauben und Gebräuche aus Böhmen und Mähren. Prague : J. G. Calve, 1864.
- Hall's chronicle: containing the history of England, during the reign of Henry the Fourth, and the succeeding monarchs, to the end of the reign of Henry the Eighth, in which are particularly described the manners and customs of those periods. Carefully collated with the editions of 1548 and 1550. London : J. Johnson, 1809.
- Heinrich von dem Türilin.* Diu Crône: Kritische mittelhochdeutsche Leseausgabe mit Erläuterungen / Hrsg. von G. Felder. Berlin ; Boston : de Gruyter, 2012.
- Kirtlan 1912 — Sir Gawain and the Green Knight / Rendered Literally into Modern English from the Alliterative Romance-Poem of A. D. 1360 by E. J. B. Kirtlan. London : Charles H. Kelly, 1912.
- Kluge F.* An Etymological Dictionary of the German Language. London : Georg Bell & Sons, 1891.
- Köbler G.* Wörterbuch des althochdeutschen Sprachschatzes. Paderborn ; München ; Wien ; Zürich : Ferdinand Schöningh, 1993.
- Kuhn A., Schwartz W.* Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg, Pommern, der Mark, Sachsen, Thüringen, Braunschweig, Hannover, Oldenburg und Westfalen aus dem Munde des Volkes. Leipzig : Brockhaus, 1848.
- Lexer M.* Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. Bd. 1–3. Leipzig : S. Hirzel Verlag, 1869–1878.
- Litté E.* Dictionnaire de la langue française. T. 4. Paris : Librairie Hachette et Cie, 1889.
- Malory T.* The Works. Vols. 1–3 / ed. by E. Vinaver. Oxford : Oxford Clarendon Press, 1990.

- Meriam-Webster: *salvage man*. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/salvage%20man> (date of access: 05.09.2024).
- Michel 1830 — *Chansons du châtelain de Coucy, revues sur tous les manuscrits* / par F. Michel. Paris : L'Imprimerie de Chapele, 1830.
- Niedermann M. [Rez. :] Körting G. Lateinisch-romanisches Wörterbuch // Indogermanische Forschungen: Zeitschrift für Indogermanistik und historische Sprachwissenschaft. Bd. 23 (Anzeiger). Straßburg : Karl J. Trübner, 1908/1909. S. 78–79.
- OED — Oxford English Dictionary / ed. by J. A. H. Murray et al. Vols. 1–10. Oxford : Oxford Univ. Press, 1884–1928.
- OLD — Oxford Latin Dictionary. Oxford : Clarendon Press, 1968.
- Pócs É. Hiedelemszövegek. Budapest : Balassi Kiadó, 2012.
- Pröhle H. Harzsagen, zum Teil in der Mundart der Gebirgsbewohner. Leipzig : Mendelssohn, 1886.
- Radulphi de Coggeshall. Chronicon Anglicanum / Ex codicibus manuscriptis edidit J. Stevenson.* London : Longman, 1875.
- Robert Laneham's letter describing a part of the entertainment unto Queen Elizabeth at the castle of Kenilworth in 1575. London ; New York : Chatto & Windus Duffield & Company : Publishers, 1907.
- Schladt 2014 — Volksballaden / Hrsg. H. Schladt. München : BookRix, 2014. URL: <https://www.volksliederarchiv.de/es-freit-ein-wilder-wassermann-ostpreussen/> (date of access: 05.09.2024).
- Schneller Ch. Märchen und Sagen aus Wälschtirol. Ein Beitrag zur deutschen Sagenkunde. Innsbruck : Verlag der Wagner'schen Universitäts-Buchhandlung, 1867.
- Skeat W. W. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford : Clarendon Press, 1874.
- Small J. English Metrical Homilies from Manuscripts of the Fourteenth Century: with an introduction and notes. Edinburgh : W. Paterson, 1862.
- Sommer E. Sagen, Märchen und Gebräuche aus Sachsen und Thüringen. Bd. 1. Halle : Anton, 1846.
- Sykes 1982 — Concise Oxford Dictionary / ed. by J. B. Sykes. Oxford : Oxford Univ. Press, 1982.
- Thompson P. The English, the Trees, the Wild and the Green: Two Millennia of Mythological Metamorphoses // The Roots of Environmental Consciousness: Popular Tradition and Personal Experience / ed. by St. Hussey, P. Thompson. London ; New York : Routledge, 2001. P. 20–54.
- Tolkien J. R. R. The Fall of Arthur / ed. by Ch. Tolkien. Boston ; New York : Mariner Books, Houghton Mifflin Harcourt, 2014.
- Tóth A. Etymological Dictionary of Hungarian. The Hague : Mikes International, 2007.
- Voltaire. Dialogue de Pégase et du vieillard. London : Chez la Société typographique, 1774.
- Webster W. Basque Legends. London : Griffith and Farran : Walbrook & Co., 1879.
- Whitney W. D. The Century dictionary: An encyclopedic lexicon of English language. New York : Century Co., 1889–1891.
- Withington R. English Pageantry: An Historical Outline. Vols. 1–2. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1918–1920.
- Wolf 1853 — Hessische Sagen / Hrsg. von J. W. Wolf. Göttingen ; Leipzig : Dieterichsche Buchhandlung : Fr. Chr. Wilh. Vogel, 1853.
- Zander-Seidel J. Ein "wilder Wazzerman" auf Beutezug: Restaurierung eines Meerwunder-Teppichs, um 1515: Germanisches Nationalmuseum Nürnberg // Ernst von Siemens Kunststiftung. URL: <https://www.ernst-von-siemens-kunststiftung.de/objekt/ein-wilder-wazzerman-auf-beutezug-restaurierung-eines-meerwunder-teppichs-um-1515.html> (date of access: 05.09.2024).

Zingerle I. V. Sagen, Märchen und Gebräuche aus Tirol. Innsbruck : Verlag der Wagnerschen Buchhandlung, 1859.

Исследования

Боброва М. В., Русинова И. И. Демонимы в русских мифологических текстах Пермского края // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 3. С. 83–103. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.3.036

Валенцова М. М. Народная демонология Чехии (этнолингвистический аспект) // Славяноведение. 2022. № 6. С. 66–84. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0023272-2>

Возякова Н. В. Испанский традиционный романс: От фольклорной традиции до блокнота собирателя. М. : РГГУ, 2014.

Гак В. Г. К типологии лингвистической номинации // Языковая номинация (Общие вопросы) / отв. ред. Б. А. Серебренников. М. : Наука, 1977. С. 230–293.

Неклюдов С. Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология. От народных верований к литературе / отв. ред. Н. И. Никулин, А. Р. Садокова. М. : Наследие, 1998. С. 6–43.

Неклюдов С. Ю. В плену у монгольской нимфы // Живая старина. 2021. № 1 (109). С. 2–6.

Неклюдов С. Ю. Фантомы демонотворчества: «третья стратегия» // Миф, ритуал, литература. К 70-летию Н. В. Брагинской / сост. Н. Б. Богданович ; отв. ред. Ю. В. Иванова ; науч. ред. С. Н. Давидоглу. М. : НИУ ВШЭ, 2022. С. 441–457.

Плотникова А. А. Об одном мифологическом мотиве у градишанских хорватов в сопоставлении с соседними традициями южных и западных славян // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 209–224. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.04>

Хасанова З. С. Модели номинации, реализуемые в англоязычных терминах и профессионализмах сферы искусствоведения // Вестник Волжского университета. Сер. Филологические науки. 2016. Т. 21, № 3. С. 59–70.

Alinei M. “Silvani” latini, “Aquane” ladine: dalla linguistica all’antropologia // Mondo ladino. 1985. Т. 9, No. 3–4. P. 49–78.

Bernheimer R. Wild Men in the Middle Ages. A Study in Art, Sentiment, and Demonology. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1952.

Dickson A. Valentine and Orson: A study in late medieval romance. New York : Columbia Univ. Press, 1929.

Felder G. Kommentar zur ‚Crône‘ Heinrichs von dem Türlin. Berlin ; New York : de Gruyter, 2006.

Gallée J. H. Henne, hunne en hune en hunne samenstellingen // Tijdschrift voor Nederlandse Taalen Letterkunde. 1901. Jaargang 20. P. 46–58.

Irish B. J. Emotion in the Tudor Court: Literature, History, and Early Modern Feeling. Evanston (Illinois) : Northwestern Univ. Press, 2018.

Kindl U. Rätoromanen // Enzyklopädie des Märchens / Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Bd. 11. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2004. S. 250–259.

Leake J. Scientist savaged for Bigfoot claim // The Sunday Times. 29 March 2015. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/scientist-savaged-for-bigfoot-claim-kwljlkj59vx> (date of access: 05.09.2024).

Lynge W. Das Sommer- und Winter-Spiel und die Gestalt des Wilden Mannes // Österreichische Zeitschrift für Volkskunde. Neue Serie. 1952. Bd. 6 (55). S. 14–42.

Mannhardt J. W. E. Wald- und Feldkulte. T. 1 : Der Baumkultus der Germanen und ihrer Nachbarstämme. Berlin : Gebrüder Borntraeger, 1877.

- Perkins S. So much for the abominable snowman. Study finds that ‘yeti’ DNA belongs to bears // Science. 28 November 2017. URL: <https://www.sciencemag.org/news/2017/11/so-much-abominable-snowman-study-finds-yeti-dna-belongs-bears> (date of access: 05.09.2024).
- Sykes B. C., Mullis R. A., Hagenmuller C., Melton T. W., Sartori M. Genetic analysis of hair samples attributed to yeti, bigfoot and other anomalous primates // Proceedings of the Royal Society B 2014 281, 20140161. Published 2 July 2014. P. 1–3.
- Tianying Lan, Gill S., Bellemain E., Bischof R., Nawaz M. A., Lindqvist C. Evolutionary history of enigmatic bears in the Tibetan Plateau-Himalaya region and the identity of the yeti // Proceedings of the Royal Society B (biological sciences). Published 29 November 2017. URL: <http://rspb.royalsocietypublishing.org/content/284/1868/20171804> (date of access: 05.09.2024).
- Williams R. Has the Yeti mystery been solved? New research finds “Bigfoot” DNA matches rare polar bear // The Independent. 17 October 2013. URL: <https://www.independent.co.uk/news/science/has-the-yeti-mystery-been-solved-new-research-finds-bigfoot-dna-matches-rare-polar-bear-8884811.html> (date of access: 05.09.2024).
- Zaika N. M. Approche textologique et comparative du conte traditionnel basque dans les versions bilingues de 1873 à 1942. Bilbao : Euskaltzaindia, 2014. (Iker ; 31).

References

- Alinei, M. (1985). “Silvani” latini, “Aquane” ladine: dalla linguistica all’antropologia. *Mondo ladino*, 9(3–4), 49–78.
- Bernheimer, R. (1952). *Wild Men in the Middle Ages. A Study in Art, Sentiment, and Demonology*. Cambridge: Harvard University Press.
- Bobrova, M. V., & Rusinova, I. I. (2020). Demonimiy v russkikh mifologicheskikh tekstakh Permskogo kraia [Demononyms in Russian Mythological Texts of the Perm Region]. *Voprosy onomastiki*, 17(3), 83–103. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.3.036
- Dickson, A. (1929). *Valentine and Orson: A Study in Late Medieval Romance*. New York: Columbia University Press.
- Felder, G. (2006). *Kommentar zur ‚Crône‘ Heinrichs von dem Türlin*. Berlin; New York: de Gruyter.
- Gak, V. G. (1977). K tipologii lingvisticheskoi nominatsii [On the Typology of Linguistic Naming]. In B. A. Serebrennikov (Ed.), *Iazykovaia nominatsiia (Obshchie voprosy)* [Linguistic Naming (General Questions)] (pp. 230–293). Moscow: Nauka.
- Gallée, J. H. (1901). Henne, hunne en hune en hunne samenstellingen. *Tijdschrift voor Nederlandse Taalen Letterkunde*, 20, 46–58.
- Irish, B. J. (2018). *Emotion in the Tudor Court: Literature, History, and Early Modern Feeling*. Evanston, Illinois: Northwestern University Press.
- Khasanova, Z. S. (2016). Modeli nominatsii, realizuemye v angloiazychnykh terminakh i professionalizmkh sfery iskusstvovedeniia [Naming Patterns Used in English Terms and Professionalisms in the Field of Art Studies]. *Vestnik Volzhskogo universiteta. Ser. Filologicheskii nauki*, 21(3), 59–70.
- Kindl, U. (2004). Rätromanen. In *Enzyklopädie des Märchens* (Bd. 11, S. 250–259). Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Leake, J. (2015, March 29). Scientist savaged for Bigfoot claim. *The Sunday Times*. Retrieved from <https://www.thetimes.co.uk/article/scientist-savaged-for-bigfoot-claim-kwljlkj59vx>
- Lynge, W. (1952). Das Sommer- und Winter-Spiel und die Gestalt des Wilden Mannes. *Österreichische Zeitschrift für Volkskunde. Neue Serie*, 6(55), 14–42.

- Mannhardt, J. W. E. (1877). *Wald- und Feldkulte. I: Der Baumkultus der Germanen und ihrer Nachbarstämme*. Berlin: Gebrüder Borntraeger.
- Neklyudov, S. Yu. (1998). Obrazy potustoronnego mira v narodnykh verovaniakh i traditsionnoi slovesnosti [Images of the Otherworld in Folk Beliefs and Traditional Literature]. In N. I. Nikulin, & A. R. Sadokova (Eds.), *Vostochnaia demonologiya. Ot narodnykh verovaniik literature* [Eastern Demonology. From Folk Beliefs to Literature] (pp. 6–43). Moscow: Nasledie.
- Neklyudov, S. Yu. (2021). V plenu u mongol'skoi nimfy [Captured by the Mongolian Nymph]. *Zhivaia starina*, 1(109), 2–6.
- Neklyudov, S. Yu. (2022). Fantomy demonotvorchestva: “tret'ia strategiiia” [Phantoms of Demon Creation: “The Third Strategy”]. In N. B. Bogdanovich, Yu. V. Ivanova, & S. N. Davidoglu (Eds.), *Mif, ritual, literatura. K 70-letiiu N. V. Braginskoi* [Myth, Ritual, Literature. For the 70th Anniversary of Natalia V. Braginskaya] (pp. 441–457). Moscow: NIU VShE.
- Perkins, S. (2017, November 28). So Much for the Abominable Snowman. Study Finds that ‘Yeti’ DNA Belongs to Bears. *Science*. Retrieved from <https://www.sciencemag.org/news/2017/11/so-much-abominable-snowman-study-finds-yeti-dna-belongs-bears>
- Plotnikova, A. A. (2022). Ob odnom mifologicheskom motive u gradishchanskikh khorvatov v sopostavlenii s sosednimi traditsiiami iuzhnykh i zapadnykh slavian [On a Mythological Motif among the Gradishche Croats Compared to Neighboring Traditions of Southern and Western Slavs]. *Slavianskii al'manakh*, 3–4, 209–224. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.04>
- Sykes, B. C., Mullis, R. A., Hagenmuller, C., Melton, T. W., & Sartori, M. (2014, July 2). Genetic Analysis of Hair Samples Attributed to Yeti, Bigfoot and Other Anomalous Primates. *Proceedings of the Royal Society B 2014 281, 20140161*, 1–3.
- Tianying, Lan, Gill, S., Bellemain, E., Bischof, R., Nawaz, M. A., & Lindqvist, C. (2017, November 29). Evolutionary History of Enigmatic Bears in the Tibetan Plateau-Himalaya Region and the Identity of the Yeti. *Proceedings of the Royal Society B (biological sciences)*. Retrieved from <http://rspb.royalsocietypublishing.org/content/284/1868/20171804>
- Valentsova, M. M. (2022). Narodnaia demonologiya Chekhii (etnolingvisticheskii aspekt) [Folk Demonology of the Czech Republic (Ethnolinguistic Aspect)]. *Slavianovedenie*, 6, 66–84. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0023272-2>
- Vozyakova, N. V. (2014). *Ispanskii traditsionnyi romans: Ot fol'klornoii traditsii do bloknota sobiratel'ia* [The Spanish Traditional Romance: From Folk Tradition to Collector's Notebook]. Moscow: RGGU.
- Williams, R. (2013, October 17). Has the Yeti Mystery Been Solved? New Research Finds “Bigfoot” DNA Matches Rare Polar Bear. *The Independent*. Retrieved from <https://www.independent.co.uk/news/science/has-the-yeti-mystery-been-solved-new-research-finds-bigfoot-dna-matches-rare-polar-bear-8884811.html>
- Zaika, N. M. (2014). *Approche textologique et comparative du conte traditionnel basque dans les versions bilingues de 1873 à 1942*. Bilbao: Euskaltzaindia.